

Культура как ресурс и барьер инновационного развития

Г.Л. Тульчинский
г. Санкт-Петербург

На основе нормативно-ценностной модели социогенеза выявлены факторы, определяющие предпосылки модернизации. Выявлены особенности ценностного содержания российской культуры, потенциал постимперской культуры, факторы возможной ее конструктивной динамики.

Ключевые слова: Постимперская культура, российская культура, социогенез, факторы модернизации.

Уточнение исходных понятий

Великие — Платон и Конфуций — учили, что любое дело надо начинать с «исправления имен», т. е. уточнения содержания используемых понятий, стоящих за используемыми терминами. Под «культурой» в данной работе понимается система порождения, хранения и трансляции социального опыта. Соответственно, и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, то и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей.

Под «развитием общества» понимается переход конкретного общества в новое качество, приближающее его к цивилизационному фронтиру, обеспечивающему максимально возможное для данного исторического этапа качество жизни. В этой связи в современной российской литературе широко используются термины «инновационное развитие» и «модернизация». Однако первое из них употребляется сплошь и рядом излишне расширительно. Инновация — проблема и явление микроэкономического уровня, связанное с возможностью реализации конкретного продукта, артефакта, опыта, не имеющего аналогов. Общество в целом не может развиваться инновационно. Оно может только создавать условия для реализации инноваций или препятствующие им. Не больше. Но и не меньше. «Модернизация» в этом плане более спокойный и корректный термин, выражающий необходимость освоения передовых практик на пути к упомянутому цивилизационному фронтиру, после чего уже можно приступать к инновациям, т. е. продвижению этого фронтира. Однако, к сожалению, термин «модернизация», в отечественной литературе все больше нагружается, с одной стороны, негативными коннотациями (вплоть до

отождествления модернизации и вестернизации), а с другой — отнесением ее исключительно к обществам модерна, предполагая, по-видимому, что применительно к современности нужно говорить о «постмодернизации». Поэтому, в целях избегания таких ловушек, в расчете на некую объективность и минимальную оценочность, в данной работе говорится именно о развитии общества.

И еще одно соображение. Обычно анализ строится на концепции рационального выбора: четком определении цели (желаемого результата) и способов, методов, путей, его достижения. И выбор пути осуществляется исходя из соображений получения максимального результата при минимальных затратах. Одной из задач работы является показать, что сам рациональный выбор, как и рационализация самих проблем обусловлены и коренятся в ценностном контексте, в изрядной степени — эмоциональном по своим источникам.

Базовые ценности и институты социогенеза

К базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится безопасность, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня.

При этом, самые различные формы социального существования с неизбежностью порождают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и рессентимента. Разрешение этих проблем, так или иначе, но связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза — справедливости. Причем, по двум векторам. Первый вектор связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй связан

с возможностями самореализации, творчества отдельных активных индивидов.

В традиционных обществах, т. е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. Примеры Сократа и Иисуса яркие тому примеры. История цивилизационного развития является убедительным доказательством того, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-инноваторов как нарушителей завета предков, установленных норм. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает искать творцов-инноваторов, искать удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им, зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Однако стоит обратить на связанные с ним еще два цивилизационных обстоятельства. Во-первых, получается, что важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства. А во-вторых, и в связи с этим, становится понятной модернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям, обеспечивающих максимально возможную концентрацию таких легких на подъем «искателей приключений». Именно в городах накапливается критическая масса сорванных с корней маргиналов, которая и становится социальной базой модернизационного развития, формирования индустриального общества массового производства, а затем и постиндустриального общества массового потребления.

При этом важно, что, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, в нем формируется еще одна базовая ценность — свободы, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Безопасность, справедливость и свобода задают ценностную ось социогенеза (см. рис. 1).

Причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и свободы.

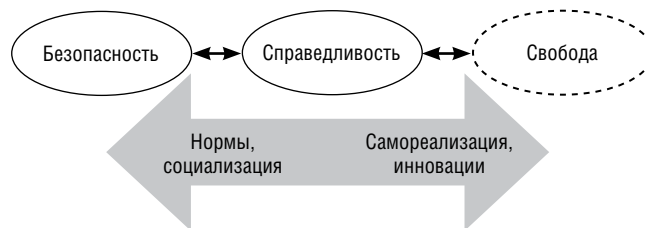

Рис. 1. Базовые ценности социогенеза

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство. Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно — эмоционального. Государство — идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального.

В этой связи, можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы). Эта модель представлена на рис. 2.

На конференции по социологии инноватики в ИНИОН был яркий доклад Г.Г. Шагиняна — выдающегося специалиста по нейрохирургии сложных и глубоких черепных травм лицевой части черепа. Используя сравнение с наглядными слайдами этого

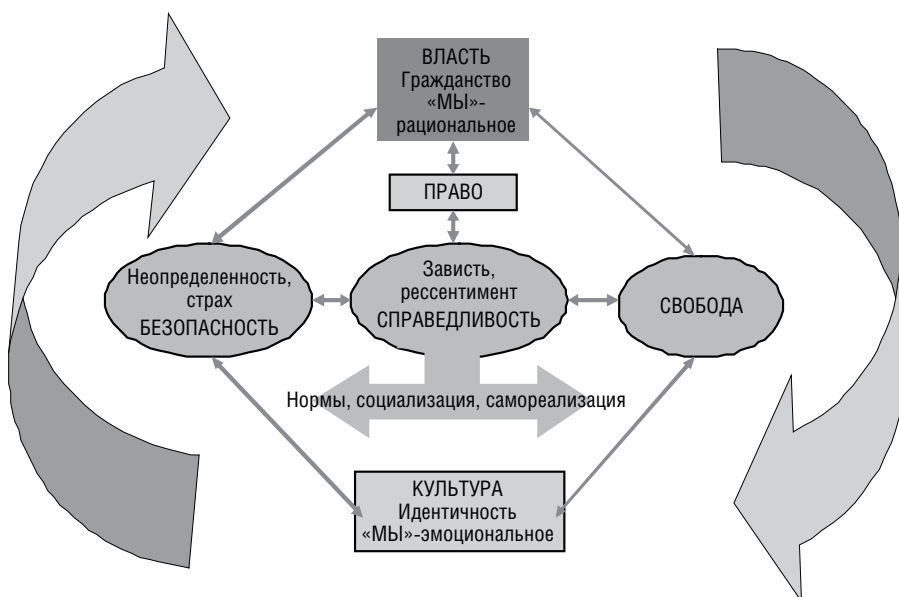

Рис. 2. Роль власти и культуры в консолидации общества

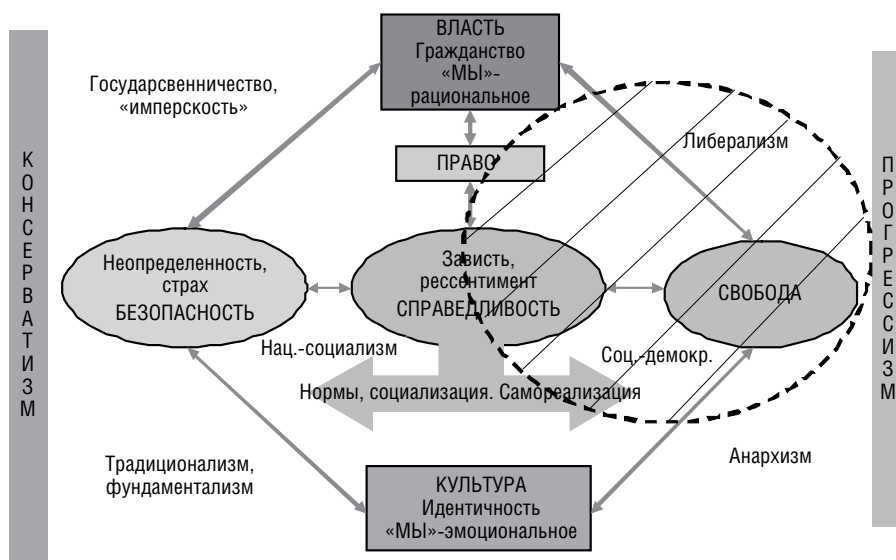

Рис. 3. Политические идеологии и российская деформация

доклада, можно сказать, что ценностно-нормативная деформация российского социума напоминает глубокую травму лицевой части черепа: в нем практически снесена его «височно-скуловая часть», связанная с соответствующей ценностно-нормативной зоной (см. заштрихованную зону на рис. 3).

Из данной модели очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества необходима достаточно тонкая и трудоемкая «нейрохирургия».

Однако, прежде чем говорить о каких-то возможных «операциях», необходимо уточнение «диагноза».

Нормативно-ценностное содержание российской культуры

Анализ нормативно-ценностного содержания этой идентичности на материале мифологии, фольклора, особенностей русского православия, философии, художественной культуры (особенно литературы), философская культура (особенности), политической и экономической истории, обыденного дискурса, впечатлений путешественников (отечественных и зарубежных), выявляет ряд специфических особенностей российской культуры. Такой анализ был уже проделан¹. Поэтому в данной работе можно воспользоваться его результатами.

Прежде всего, при типологической общности содержания отечественных мифологии и фольклора, бросается в глаза отсутствие в них «культурного

героя» — персонажа, аналогичного Прометею или Вайне-мейнену: ремесленника, ткача, строителя, научившего труду, конструктивной работе. Практически не воспет труд и в русской поэзии.

Русское православие, как и вся Восточная церковь — апофатическая ветвь христианства: Божественная сущность в нем не имеет позитивного выражения в этом мире. Сам православный канон, как известно, был заимствован, насаждался властью, что предопределило Раскол — важнейшее событие в развитии отечественной духовной культуры. Обыденное религиозное сознание (житийные тексты, духовные песни)

выражают повышенный интерес к нравственной личности, ее жизненному опыту, особенно — претерпеванию страдания, теме Страшного Суда. В обыденном религиозном сознании Христос — предстает Царем небесным, сливаясь с Отцом, а Святая Троица фактически заменяется Двоицей: Христом и Богородицей. В морали, восходящей к православному этике спасения, Благодать выше закона. И особую роль играет покаяние («не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься»).

Показательны и специфические особенности русской философии. По своему происхождению она вторична, не дала оригинального вклада в развитие метафизики, натурфилософии, теории познания, логики. Ее развитие эхолоично — суть поэтапная рефлексия западноевропейской философии: вольфианства, романтизма, позитивизма, марксизма, постструктурализма... Круг ее главных тем довольно узок: личность и общество, свобода, судьба России. Но их постановка и обсуждение чрезвычайно глубоки и эмоциональны, с глубокой личностной вовлеченностью. Ей свойственны максимализм, универсализм, практическая нацеленность — поиск «окончательных ответов» на вопросы практической жизни, обустройства общества. Показательна и типичная фигура русского философа — это не кабинетный ученый, а «человек с судьбой», исповедник идеи...

Показательны и особенности языковой практики (пословицы, поговорки, инвективы, лексика, обыденный дискурс). Особенность, если не уникальность, русского языка связаны с тем, что оценочность лексики в нем достигает почти 40%. И язык обладает широчайшими возможностями выражения оценочного отношения, которое входит в словарное значение слова.

¹ См. История, этнос, культура. Российский и советский духовный опыт: феноменология и судьба // Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб: РХГИ, 1996. С. 247–276; Лиминальное как национальное: содержание и судьба российско-советского духовного опыта // Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб: Алетейя, 2003.

Русский язык тропирован, но не терминован, что и объясняет феномен «засоренности русского языка иностранными словами» — когда хочется выразиться о чем-то безоценочно, объективистски точно, — заимствуется иностранное слово. Которое достаточно быстро также получает оценочную нагрузку. В русском языке часто практикуется опускание логической связи, в результате чего получаемые эллиптические конструкции требуют дополнительных интеллектуальных усилий для понимания смысла выраженной мысли. Показательно и обилие непереходных глаголов, выражающих процессуальность действия, но не его результативность (мы много «работаем», но мало «делаем»).

Разумеется, в культуре фиксируются и выражаются особенности экономической и политической истории России. Что касается способа хозяйствования, то географо-климатические условия Восточно-Европейской равнины (краткий теплый период, чтобы успеть высеяться, заготовить корма и собрать урожай, с дождями и заморозками в самое неудобное время), подсечно земледелие на сероземах — все это стимулировало совместный напряженный труд с чрезвычайными усилиями в относительно краткий период с последующим долгим расслаблением. Это, а также синтез с финно-угорскими племенами, сформировало специфический образ жизни. Да и российское государство (и в норманнской, и в хазарской теории ее происхождения) возникло отнюдь не для защиты крестьян, слободы, ремесленников. Первое письменное упоминание о Руси в византийских летописях эпохи Константина Багрянородного гласит буквально следующее: «Осенью князь со своей Русью выезжает на кормление». Эта парадигма исторически мало менялась. Дореволюционная экономика носила вотчинный характер, когда целые регионы и отрасли отдавались в кормление «правильным» людям. И на протяжении всей российской истории не собственность рождала власть, а наоборот — власть собственность порождала и постоянно ее переделывала. Не случайно страна двести лет никак не может пройти первоначальное накопление. И за это же время пять раз радикально меняла собственников исторически мгновенно — на глазах одного поколения.

Содержательны для понимания особенностей российской культуры и впечатления путешественников — как отечественных за рубеж, так и зарубежных — в Россию. Они особенно интересны, потому как в глаза путешественникам, носителям своей культуры, в глаза бросаются именно отличия культуры иного общества. Так, иностранцы (от Олеария до наших современников) отмечают такие позитивные качества русских, как доброжелательность, гостеприимство, щедрость, выносливость, неприхотливость, работоспособность, мужество, пренебрежение к смерти, жизненная сила. И эти качества сочетаются одновременно с жестокостью, грубостью, бесчувственностью, лживостью, воровством, пьянством, ленью. Наиболее наблюдательные из них связывают корни

пренебрежения смертью, способность к страданиям, терпение, покорность судьбе — с пренебрежением этой жизнью (своей и чужой), воровство — с пренебрежением собственностью, лживость — с пренебрежением реальностью во имя идеи.

Если обобщить все эти данные, то комплекс базовых ценностей российской культуры предстанет в следующем виде:

- Правда (жить по правде, «не по лжи»)
- Нравственный максимализм
- Самоценность страдания (идеал русской православной святости, тема униженных и оскорбленных в литературе, особенности политических PR)
- Апофатизм
- Эта жизнь — юдоль страдания, нравственного испытания
- Эскапизм
- Лиминальность, амбивалентность морали
- Пренебрежение проявлениями этой жизни: здоровьем, трудом, собственностью, законом, чужой и своей жизнью
- Универсализм (всеединство)
- Пренебрежение отдельной личностью, требование самоотвержения
- Специфический коллективизм (не на общности интересов, а «ватажно-артельный»)
- Эсхатологизм
- Царство Божие на земле
- Спор с историей
- Танатологичность, воздаяние после жизни
- Чудо (не упорядоченный труд, а усилие воли)
- Истина как красота
- Истина должна быть красивой (красиво и потому истинно)
- Нравственность искусства

Речь идет об исключительно целостном мировоззрении, миропонимании и мироощущении, которому свойственны чрезвычайно напряженное нравственное чувство, этика предуготовления к вневременному спасению, дизмотивация к жизни в реальном мире и ее проявлениям (собственности, здоровью, своему и чужому труду), их правовым гарантиям. В плане модернизации такой культурный потенциал достаточно неоднозначен.

С одной стороны, относительно высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью, — несомненный ресурс модернизации, золотой фонд реформатора и/или манипулятора. Может, потому на нас и экспериментируют все, кому не лень!?

С другой стороны, несомненны и культурные барьеры российской модернизации: культурные барьеры российской модернизации: правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, сырьевая экономика, отсутствие реального запроса на инновации, общество и экономика недоверия (отсутствие консолидации на конструктивной позитивной

основе), этнофедерализм, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования.

Что с этим делать

Весь исторический опыт успешных модернизаций — как зарубежных (Германия, Япония, Корея, Сингапур, Китай), так и отечественных (реформы Петра I, отчасти — советский опыт) — показывает, что условием ее успешности являются наличие ясной стратегии и властной воли ее реализации, ставка на освоение передовых практик, науку, образование, формирование социальной базы модернизации (новой элиты), централизация на ранних стадиях, жесткое следование принятым решениям, а по мере развития экономики — все большее делегирование полномочий. Только в этом случае возможна динамика социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества.

Традиционным ответом России на вызовы всегда были усиление власти, жесткий административный контроль, подтягивание ресурсов и насилие (принудительное нововведение). Парадокс же современной России состоит в том, что, как и прежде, осуществить модернизацию все еще невозможно без насилия, но уже невозможно за счет насилия. И если условие успеха это разумная властная воля, артикулирующая внятную стратегию, то сейчас мы имеем ситуацию, когда отсутствует не только внятное представление о стратегии модернизации, но и потребности, способности и готовность к переменам.

При всей человеческой симпатии к инициаторам перестройки, их управленческая некомпетентность очевидна: нигде и никогда модернизации и реорганизации не осуществлялись на основе и через демократизацию. Это азы менеджмента. Демократия — результат, продукт, упаковка всюду плотных рыночных отношений. При отсутствии реальной рыночной экономики, а главное — реальных собственников, ей не на что опереться, и она уходит в песок, если не в болото.

Культурный потенциал российской модернизации очевиден.

Обозначенный выше нормативно-ценностный комплекс связан с постимперской культурой как потенциалом открытого общества. Имперское наследие парадоксально, включая: цивилизационную роль империй, соотношение имперской культуры и глобализации (каждая историческая империя являлась ростком глобализации), имперская культура как колыбель и background либерализма. Сравнительный анализ отношения к постимперскому опыту — «загадки Эспаньолы» (Гаити и Доминикана), опыт Сингапура и ШриЛанка (ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него), опыт Израиля (вынужденная имперская роль) — убедительно показывает позитивный потенциал имперской культуры при должном отношении к этому наследию.

Тем самым, раскрывается нетривиальная роль и значение имперских культур в развитии общества.

Это — несомненный мощный и конструктивный потенциал открытого общества, являющейся, в этой связи, ресурсом инновационного развития. Прежде всего, это человеческий капитал, идентичность которого носит надэтнический и надконфессиональный характер, его дополнительная жизненная компетентность и конкурентные преимущества; формирование новой элиты; толерантность; инновационность, модернизация. Задача — во внятном и вменяемом отношении к этому наследию и опыту, в способности рационально им распорядиться.

Постимперское культурное наследие способно выступать ресурсом инновационного развития. Можно говорить о нескольких смыслах постимперскости и соответствующей политической культуры:

- (I) Прежде всего, это культурно-историческое наследие, обладающее достаточно длительной по историческим меркам инерцией, сказывающейся на развитии общества после ухода с исторической арены самой империи как формы государства.
- (II) Кроме того, можно говорить о постимперской фазе мирового развития. И современная постимперскость двойственна. Это и кризис традиции, и стремление выхода к новому глобализованному фронтиру цивилизации. Нации-лидеры и слабые («несостоявшиеся») государства устремлены к новой интеграции. В условиях глобализации империи становятся невозможными политически. Однако сама культура глобализованного мирового сообщества несет отчетливые черты, свойственные именно культурам имперского типа.

Позитивную роль играет и пока сохраняющийся относительно высокий уровень человеческого капитала (образование, креативность) в России, его уже отмечавшаяся терпеливость, неприхотливость, опыт выживания. Правда, уже начинает сказываться консюмеризм уже нескольких поколений отечественных граждан, их ориентация на высокие стандарты потребления.

Никак нельзя сбрасывать со счета и сохраняющуюся высокую природную ренту, благоприятную как никогда внешнеполитическую ситуацию, сохраняющуюся централизацию реальной власти.

Но не менее очевидны в российской ситуации и культурные барьеры модернизации. Это углубляющийся сырьевой характер экономики, нерешенность вопроса собственности, специфика российской урбанистической среды, отсутствие социальной базы модернизации и невостребованность инноваций. В современной России отсутствует реальный запрос на инновации. Его нет у бизнеса. Вопреки мифу об инновационности бизнеса, последний делается не для конкуренции и инноваций, а для достижения хотя бы и временного, но монопольного преимущества. Для того, чтобы он стремился к этому преимуществу за счет инноваций, должна быть создана конкурентная среда. А в современной России рентный бизнес не нуждается в этом. Он уже монополизирован.

Власть же только расчищает прикормленному бизнесу эту монополю. Да и общественный запрос ориентирован скорее на стабильность, чем на очередные инновации... К этому можно добавить невиданное имущественное расслоение общества, низкий уровень горизонтальной мобильности, запредельная коррупция, правовой нигилизм, отсутствие гражданской идентичности, фантомные имперские боли и неоднозначные идеологические спекуляции, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования... Итогом является сложившиеся в России экономика и общество недоверия, институционализация зависти и ressentimentа. Современная Россия удивительно не консолидированное общество.

Возвращаясь к вопросу о деформации нормативно-ценностной модели российского общества, можно констатировать, что речь идет о глубокой травме этого общества. Причем, травме, закрепленной социально-демографически. На рис.4 представлены ориентировочные социально-демографические профили нормативно-ценностных кластеров.

Наращивание тканей, необходимых для налаживания целостного баланса российского общества связано с развитием вектора личностной инициативы и правовых гарантий результативности этой инициативы. Разумеется, ключевым вопросом перспектив развития российского общества является решение вопроса о собственности и ее правовых гарантиях.

Рис. 4. Социально-демографические профили ценностно-нормативных кластеров

Но решение этих проблем предполагает и внятную социально-культурную политику. Если перевести это на простой язык, то речь идет об акцентированной ставке на развитие городских агломераций, на образование и молодежь.

Все сказанное позволяет констатировать, что российское общество имеет дело с серьезнейшим цивилизационным вызовом. Традиционным ответом России на исторические вызовы всегда были усиление власти, жесткий административный контроль, подтягивание ресурсов и — насилие, направленное на принудительное нововведение. Но современная ситуация глубоко парадоксальна. Как и прежде, все ЕЩЕ невозможно без насилия. Но УЖЕ невозможно за счет насилия.

Political culture as a resource and a barrier for the development of Russian society

G. Tulchinsky

On the basis of the norms and values of the model of sociogenesis identified factors that determine the prerequisites for the modernization. The peculiarities of value content of Russian culture, the potential post-imperial culture, factors of its possible constructive dynamics.

Key words: *Factors of modernization, post-imperial culture, Russian culture, sociogenesis.*